

ПРАВОВОЙ СТАТУС АДМИНИСТРАЦИИ ТЮРЕМ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Правовой статус администрации тюрем Великого княжества Литовского был весьма ограниченно закреплен в положениях литовских статутов. Так, первый Литовский статут 1529 г. устанавливал ответственность должностного лица, которое по небрежности выпустит из тюрьмы преступника, заключенного туда за неуплату какой-либо суммы или по другому обвинению. Виновный должен был или сам уплатить эту сумму, или в срок найти и доставить незаконного выпущенного преступника в суд. Срок варьировался от 12 до 36 недель в зависимости от территории, где следовало осуществлять поиски: в ВКЛ – 12 недель, «в чужой земле» – 36 недель (разд. I арт. 13).

Во втором Литовском статуте 1566 г. устанавливалась обязанность воевод осуществлять контроль за устройством и состоянием тюрем, в частности земляных (подземных), чтобы они были вкопаны глубоко в землю на 6 сажен (т. е. почти на 13 м) и чтобы заключенные («взяни») содержались под «сторожей», которая бы послаблений и поблажек («фольки») «взяням» не делала и заключенных до окончания срока не отпускала (разд. XI арт. 12). Общий контроль за деятельностью тюрем осуществляли воеводы, а надзор и охрану заключенных – «сторожа», причем определялись некоторые функциональные обязанности сторожей.

В третьем Литовском статуте 1588 г., так же, как и во втором, устанавливалась обязанность воевод и старост осуществлять контроль за устройством и состоянием тюрем, в частности земляных (подземных), чтобы они были вкопаны глубоко в землю на 6 сажен, а верхние тюрьмы, предназначенные для более легкого заключения, тоже были укреплены и надежно запирались, и чтобы заключенные содержались под «сторожей», которая бы послаблений им не делала и до окончания срока не отпускала (разд. IV арт. 31, разд. XI арт. 29).

Устанавливалась обязанность лиц, принявших обвиняемого в заключение, следить за его поведением, чтобы он не совершил побег до «расправы», т. е. до решения дела судом. В целях недопущения побега к заключенным широко применялись оковы и цепи (разд. IV арт. 32). Если заключенный «утек» (совершил побег), то те, кому этого «взяня» поручили, – городничий, наместник, подстаростий – должны были его найти в течение 12 недель, а если не отыщут за это время, то должны штраф («шкоду») платить. Поэтому воеводы и старосты, осуществлявшие общий контроль за деятельностью тюрем, должны были подобрать в «сторожу» людей добрых и достойных доверия, т. е. появились требования к личностным качествам сторожа. А если сбежавший узник до полугода не сыщется, то все, кто контролировал его нахождение в тюрьме, должны были присягнуть, что побег произошел без их ведома, послаблений заключенному они не делали и небреженья своими должностными обязанностями не допускали (разд. IV арт. 31). Паны и врядники должны были держать в заключении умалишенных и несли ответственность в случае их побега и последующего причинения вреда кому-либо. Указанные лица карались тюремным заключением на год и 6 недель (если сбежавший совершил убийство) и 6 месяцев (если умалишенный ранил кого-нибудь) (разд. XI арт. 35).

О недопустимости поблажек заключенным говорил отдельный артикул: даже если кто «добровольно за свое деяние в везенье пошел», то таким все равно послаблений не чинить и раньше срока не выпускать. К числу послаблений могли относиться: перевод в «верхнее сиденье» тех, кто должен «на дне седети» (данный вопрос мог решаться только судом); поблажки, сверх установленных судом, тем, кто находится в более легком заключении; постройка каминов в камерах. Воевода, староста, врядники, которые допустили указанные нарушения режима содержания заключенных, подлежали суду и в случае признания их виновными должны были уплатить «сорок копъ грошей» (разд. IV арт. 32).

Сторона «боляча», т. е. потерпевшие (истцы), могли сами следить, где и в каких условиях содержится заключенный (разд. IV арт. 32). Соответственно они могли контролировать действия администрации на предмет установления незаконных послаблений, поблажек для заключенного и были заинтересованы в таком контроле, так как вносили определенную плату за его содержание в тюрьме. В частности, истец обязан был выдавать заключенному по 4 пенези в день на пропитание (разд. IV арт. 31).

От заключенного в тюрьму бралось «потуремное» в размере 48 грошей литовских со шляхтича, 24 грошей литовских – от боярина и простого человека. «Потуремное» бралось только один раз, когда заключенный из тюрьмы выходил или на свободу или на казнь. Если осужденный выходил на свободу, то он мог выкупиться сам или его выкупали те, кто его без вины подверг тюремному заключению, если выходил «на смерть», то «потуремное» платила «жалобная сторона», ведь должностные лица, приняв человека в заключение, обязывались осуществлять надзор за ним и обеспечить его сохранность в тюрьме до суда (разд. IV арт. 31). Кроме того, от заключенного при выходе из тюрьмы бралось «поланцужное», т. е. плата за то, что его держали на цепи, и «поколодное» – плата за приковывание к колодке: от убийц 12 грошей (если это шляхтич) и 6 грошей (простолюдин), от осужденных за менее тяжкие преступления 6 грошей (если это шляхтич) и 3 гроша (простолюдин). «Поланцужное» и «поколодное» бралось также только один раз, когда заключенный из тюрьмы выходил или на свободу или на казнь. Если осужденный выходил на свободу, то он мог выкупиться сам или его выкупают те, кто его без вины подверг тюремному заключению, если выходил «на смерть», то «поланцужное» и «поколодное» платила «жалобная сторона» (разд. IV арт. 15). Указанные средства поступали тюремной администрации.

Если пан держал в заключении простолюдина или шляхтича, то применение цепей допускалось, но нельзя было заключенных наказывать телесно, морить голодом или калечить («члены охромить») (разд. XI арт. 22). Устанавливалась ответственность за незаконное заключение человека в тюрьму, и если его морили голодом и битьем, то такой заключенный немедленно освобождался (если до этого не успел совершить побег или не вышел «на поруках») и имел право на компенсацию причиненного ущерба. Виновный в совершении этого преступления подвергался штрафу и тюремному заключению на 3 месяца. А если кто, держа незаконно в заключении человека, его ослепил, «охромил», уморил, то карался тем же (по принципу «око за око, зуб за зуб»). А если до смерти уморил, то карался как убийца («мужебойца») (разд. XI арт. 28).

Таким образом, литовские статуты закрепляли некоторые элементы (преимущественно обязанности) правового статуса должностных лиц, осуществлявших контроль за деятельностью тюрем, общее руководство данными учреждениями, а также обеспечивавших надзор за поведением заключенных и охрану. К числу таких обязанностей следует отнести:

постоянный контроль за состоянием тюрем;

осуществление надзора за поведением заключенных, избегая случаев незаконного досрочного освобождения и установления поблажек;

недопущение побегов заключенных под угрозой наказания, а в случае побега осуществление розыскных мероприятий; плата за нахождение человека в тюрьме, применение к заключенному цепей и колодок; сохранение здоровья заключенного.

УДК 351.74(476)(091)

О.Л. Помалейко

СТАНОВЛЕНИЕ ВИТЕБСКОЙ МИЛИЦИИ В ПЕРИОД С МАРТА ПО МАЙ 1917 г.

В 2017 г. исполняется 100 лет белорусской милиции. Каждый ее исторический этап, в том числе и на региональном уровне, интересен и поучителен.

В Витебске добровольческая милиция образовалась 28 февраля 1917 г. (все даты даны по старому стилю). 5 марта главный начальник Двинского военного округа генерал от инфантерии Зуев, обратившись к населению, указал, что право организации милиции принадлежит гражданам, а разоружаемая по его приказу полиция будет служить лишь временно до сдачи своих обязанностей милиции. 7–10 марта вся полиция в Витебске была заменена народной охраной. Была избрана милицейская секция; регулярно созывались общие собрания милиционеров. Город был разделен на 4 района. Милицейские участки этих районов возглавлялись комиссаром милиции и двумя его помощниками. В городе было установлено 54 поста для дежурства милиционеров: в 1-м районе – 14, во 2-м – 15, в 3-м – 13 и 4-м – 11. С апреля милиционерам выдавались служебные удостоверения взамен их личных документов. В мае в соответствии с приказами всем необходимо было обзавестись записными книжками «и иметь при себе во время исполнения обязанностей для занесения туда всевозможного рода заявлений граждан... а также своих заметок». В этом же месяце районным комиссарам надлежало приобрести количество свистков и повязок по числу всех милиционеров и по себестоимости распределить между ними, удержав стоимость свистков из жалованья.

Анализ материалов по истории витебской милиции рассматриваемого периода позволяет выделить следующие проблемы ее становления: 1) отсутствие четких указаний от правительства по вопросу организации; 2) отсутствие должной материальной базы; 3) сложность комплектования кадров; 4) отток кадров; 5) нарушения служебной дисциплины и др. Вкратце остановимся на кадровых проблемах, зачастую тесно взаимообусловленных.

Проблема комплектования. Витебский губернский комиссар 1 апреля получил телеграмму из МВД следующего содержания: «Проект положения о постоянной милиции срочно разрабатывается. Пока надо организовать временную... Зачисление в милицию бывших чинов полиции зависит всецело от вас, конечно, при условии оценки пригодности каждого такого чина в отдельности...» Согласно постановлению милиционной секции Витебска лиц, служивших в полиции, на службу в милицию решено было не принимать. Суть остальных постановлений этой секции заключалась в следующем: 1) в состав милиции принимать только по рекомендации общественных организаций либо рекомендаций лиц, пользовавшихся общественным доверием; 2) лица, занимающие должности в милиции, не должны одновременно занимать другие должности, препятствующие выполнению возложенных на них обязанностей по милиции; 3) все лица, поступающие на службу, утверждаются милиционной секцией.

В местной прессе для более активного привлечения населения в милицию не раз размещались объявления, например: «Милицейская секция приглашает на почетную службу в витебскую народную милицию для поддержания нового строя и защиты граждан на следующих условиях: служба восьмичасовая. Содержание помощника комиссара до 150 руб. Преимущество будет отдано увечным воинам – солдатам и офицерам».

Проблема профессиональной подготовки. В милицию приходили лица, незнакомые со службой. Уровень и профиль образования большинства не соответствовал специфике и задачам данного формирования. Так, на не руководящие должности принимались лица просто «вполне грамотные». А среди руководителей юридическое образование имели единицы, как, например, комиссары 2-го и 4-го районов И.И. Кирцидель и Д.А. Гистория. С целью устранения пробелов в конце марта в городе были открыты трехнедельные курсы; с 22 мая при милицейском комитете образована культурно-просветительская секция.

Проблема оттока кадров была характерна для всей иерархии. Так, за три месяца сменилось три начальника милиции. Первый, выдвинутый от Совета солдатских депутатов есаул М.Н. Гнилорыбов, прослужил чуть более месяца. 7 апреля он подал заявление следующего содержания: «Опыт убедил меня, что является совершенно невозможным совместить в одном лице в настоящий момент такие две серьезные и ответственные должности, как должность витебского коменданта и должность начальника городской милиции. Дело городской милиции находится в периоде организации и повелительно требует от начальника милиции всецело посвятить свои силы и свое время только ему. Занятый многочисленными обязанностями по комендантскому управлению, я мог отдавать делу народной милиции не более трех часов в сутки, что, несомненно, оказалось недостаточным и шло в прямой ущерб народной милиции. Полагая, что дальше продолжать при таких условиях руководить столь серьезным делом является преступлением перед общественностью, я твердо решил просить Витебский Городской Общественный комитет сложить с меня обязанности начальника народной милиции...»

10 апреля общее собрание членов милиции, на котором присутствовали представители летучего отряда, штаба милиции и районных комиссариатов, единогласно высказалось за кандидатуру на пост начальника милиции подпоручика В.А. Худзинского (с 12 марта являлся помощником начальника милиции по охране города). Однако и он недолго руководил, оставив свою должность 23 мая. Он передал дела своему помощнику по гражданской части присяжному поверенному Р.С. Рожанскому.

Аналогичная ситуация сложилась и по иным должностям. В № 475 «Витебского листка» от 18 мая была опубликована по этому поводу заметка следующего содержания: «Существенным недостатком милиции можно считать крайне неустойчивый, слишком переменный ее состав. Служащие милиции меняются с кинематографической быстротой... в некоторых районах служащие сменились три и более раз... третий секретарь в управлении милиции, третий комиссар в 1-м районе, третий комиссар во 2-м районе и т. д., не говоря уже о постовых милиционерах, из которых иные, прослужив 8 часов, уходят, чтобы более уже не возвращаться...»

В связи с этим было принято решение, что «оставление службы, за исключением чрезвычайных случаев по приказанию начальника милиции, может иметь место не иначе, как 1 и 16 каждого месяца, причем об уходе должно быть заявлено за неделю вперед». В противном случае жалование подлежало удержанию.